

«ПЕРЕОТКРЫТИЕ» ЗНАНИЯ О БУДУЩЕМ: ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ ДО 2050 ГОДА

С.А. Кравченко, А.И. Подберёзкин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассматривается динамика знания о будущем, факторы, обуславливающие потребность его «переоткрытия» сегодня, среди которых: переход человечества к доминированию нелинейного развития; возникновение сложных систем, потенциально предрасположенных к производству катастроф; разрушение глобализацией естественных границ локальных человеческих цивилизаций, что при становлении единой социо-техно-природной реальности приводит к непосредственным взаимодействиям и новым конфликтам между ними. Это побудило учёных сформировать новые модели будущего и, соответственно, иные теоретико-методологические инструменты социального прогнозирования, на основе чего предлагаются сценарии среднесрочного (до 2025 г.) и долгосрочного (до 2050 г.) видения международной и военно-политической обстановки. Теоретическим базисом для настоящей статьи стали доктрины риска, разработанные в работах классиков и современных учёных в области социальных наук.

Авторы исходят из того, что валидность предложенных сценариев, доверие к знанию о безопасности обусловлено комплексным учётом основных стабильных и переменных факторов, определяющих и формирующих сценарии развития России в эти периоды. Для долгосрочного прогнозирования обосновывается лонгитюдно-сценарный метод, предполагающий создание модели вероятного сценария международной и военно-политической обстановки на основе большого эмпирического массива информации, который анализируется в динамике на нескольких этапах, и с учётом влияния основных объективных групп факторов, что в итоге позволяет выделить и обосновать три стратегических направления обеспечения безопасности России в XXI в. Сделаны выводы, являющиеся основой для будущих сценариев развития России, среди которых показывается весьма значимая роль субъективного фактора, проявляющаяся в качестве и намерениях правящей политической элиты, что существенно влияет на характер и скорость преобразований в стране.

Ключевые слова: будущее, динамика знания, безопасность, лонгитюдно-сценарный метод, стратегический прогноз, факторы развития, сценарий развития, гуманистический поворот, правящая элита.

УДК 327, 001.18

Поступила в редакцию 20.07.2017 г.

Принята к публикации 1.08.2017 г.

Обществоведы всегда уделяли особое внимание будущему человечества. Как правило, его видение было религиозно и идейно ангажированным, и потому выдвигаемые сценарии в своём подавляющем большинстве были оптимистичными и радужными. Споры в основном велись вокруг конкретных вызовов, мешающих людям жить счастливо в мире и добре; основных факторов и возможных средств, призванных обеспечить становление такого будущего. В древние времена будущее имело сакральное значение: оно зависело от Бога, избавляющего бедствующих от несправедливости и преследований путём таких средств как благодать – незаслуженного дара человеку или наказания грешников, «подавляющих истину неправдою», а в исключительных случаях обретения жизни после смерти. «По Библии, человеку не присуще бессмертие; только целостный человек, его душа и тело, может обрести бессмертие» [22, с. 122]. Мыслители эпохи Просвещения были преисполнены верой в силу разума, исходили из того, что на пути к социальному счастью человечество в принципе может преодолеть все «отсталые» формы знания. Такой подход работал на то, чтобы утвердить десакрализацию представлений о будущем.

Классики социологии предложили более конкретное видение перспектив развития человечества, исходя при этом из обоснованных ими «объективных законов», а также характерных идейных убеждений. Так, Э. Дюркгейм главным фактором будущего мыслил «закон углубления разделения труда», который «составляет необходимое условие материального и интеллектуального развития обществ, источник цивилизации» [3, с. 46]. К. Маркс исходил из открытых им «законов формационного развития человечества» от «низшей» стадии к «высшей» и потому все социальные коллизии связывал с ущербностью капиталистических экономических отношений, а справедливое будущее видел в «положительном упразднении *частной собственности*, как присвоении *человеческой жизни*» [9, с. 259]. М. Вебер, напротив, полагал, что современный капитализм способен «обуздать» иррациональные стремления людей, соответственно, путь в будущее – «рациональное регламентирование» жизнедеятельности людей [1, с. 48].

На протяжении XX в. эти подходы претерпели существенные изменения, сохранив, однако, общие, «универсальные» основания, главные из которых таковы: 1) будущее человечества едино, обусловлено «объективными законами» и/или принципами рационализма, социальной справедливости; 2) оно – результат эволюционного или революционного развития исключительно самих обществ (факторы динамики природных и ресурсных условий, а также возможных разрывов исторической преемственности, «вдруг-событий», парадоксов, метаморфоз и т.п. во внимание не принимались как в принципе «незначимые»); 3) человек по своей природе рационален и добр, соответственно, облик будущего детерминирован прогрессом науки и техники, искоренением неравенства и несправедливости.

На рубеже XX и XXI вв. стало очевидно, что «универсальные» знания о будущем, весьма распространённые в общественном сознании и на Западе, и на Востоке, не выдержали испытания временем. Отметим главные тому причины: человечество перешло к качественно иному, нелинейному тренду развития; естественные границы цивилизационных образований (моря, океаны, горы) в эпоху глобализации утратили прежний характер непреодолимых барьеров; при этом каждая цивилизация, обладающая культурной и функциональной регидностью, пытается сохранить и распространить своё сакральное наследие как «общезначимое» на весь ставший открытым мир, что порождает невиданные ранее конфликты; относительно независимые общество, природа, техника ныне образуют единую социо-техно-природную реальность, для которой нормой становится совместное турбулентное существование (тенденции его функционирования только начинают изучаться) [8, с. 113–123]. Как считает известный британский социолог Дж. Урри, современные общества суть сложные системы, гибриды «экономического, физического, технологического, политического и социального. Системы не могут быть сведены к одному из этих «элементов». Они социоматериальны» [32, с. 62]. По своей природе (способности проявлять внутреннюю «волю» – причинность) они рискогенны, уязвимы, воспроизводят потенциальные неокатастрофы в виде «нормальных аварий» [28; 29] и перманентного «побочного ущерба» [24], которые по своим последствиям не ограничены конкретными пространственно-временными координатами. Наконец, традиционно общественные науки аккумулировали знание о социальных изменениях – будь то эволюционных или революционных, но предполагавших сохранение базовых определённости, или о культурно-экономических трансформациях (как правило, в виде реформ). Ныне, как считает немецкий рисколог У. Бек, в мир входят метаморфозы, шокирующие учёных, политиков, рядовых обывателей тем, что они подрывают антропологические константы нашего прежнего существования и понимания мира. То, что было немыслимо в XX в., в XXI столетии становится возможностью и реальностью: «Это создаёт совершенно другой способ концептуализации мира и наших шансов на выживание в нём... “В каком мире мы фактически живём?” Мой ответ следующий: в метаморфозе мира» [25, с. 4].

Новейшие подходы к будущему

В силу описанного выше становления сложных реалий приходится не просто уточнять прогностические модели, а «переоткрывать» знание о будущем. Эту миссию во многом взяли на себя социологи, а также социально ориентированные представители естественных наук, принявшие участие в III Форуме Международной социологической ассоциации, состоявшемся в Вене 10–14 июля 2016 г., посвящённом исследованию будущего. По существу, положено начало «переоткрытию» будущего, что потребовало привлечения междисциплинарных знаний представителей всех наук.

Отметим в самых общих чертах семь новаций этого «переоткрытия». 1. Возникли принципиально новые условия жизнедеятельности, становление которых обусловлено ускоряющейся и усложняющейся динамикой не только социума, но и природных реалий. Пожалуй, впервые столь остро поставлен вопрос о том, что будущее человечества зависит от адекватного ответа на природные и ресурсные вызовы: «турбулентность климата», распространение «мёртвой почвы» и «мёртвой воды» [30, с. 81]. 2. Если прежде учёные ранжировали конкретные общества по их «зрелости» для перехода к общему будущему, то ныне реалии столь сложны и диверсифицированы, что это создаёт возможность разного будущего человечества. Форум проходил под девизом: «Будущие (!), которые мы хотим: глобальная социология и борьба за лучший мир». 3. Движение к будущему предполагает учёт как линейного, так и нелинейного развития, из чего следует допущение как нормы социальных разрывов, культурных травм и метаморфоз. Примечательно, что У. Бек, один из немногих, видит в этом не новый фактор алармизма, а потенциальную возможность «позитивных побочных эффектов плохого», добавляя, что «метаморфизация» отнюдь не представляет собой стихийный и хаотический процесс: будущее человечества зависит от принятия людьми «значимых политических решений» [25, с.4, 20]. В этом контексте, на наш взгляд, «значимые» решения следует понимать как поиск качественно новых – непрагматических – трендов и парадигм. Вся наука нуждается в гуманистическом повороте, а человечество – в гуманистически ориентированной политике [7]. 4. С учётом возникших вызовов и угроз переосмысливаются потенциальные средства достижения желательных будущих, их объективные и субъективные потенциалы и угрозы. Так, в массовом масштабе возник феномен «силы слабости»: террорист-одиночка может нанести сокрушительный удар, сравнимый по масштабам с Чернобылем и Фукусимой [33, с. 277–282]. 5. Дан импульс исследованию изменяющейся природы катастроф. Главными причинами неокатастроф Дж. Урри называет рукотворные трансформации, ведущие к «потенциальному коллапсу человеческих обществ» [32, с. 37]. 6. Знание о будущем дополняется научным незнанием: это не невежество, а более высокое знание, включающее скептицизм, самокритику, гипотезы, предполагающие возможность невозможного. «Мировое общество риска – это общество незнания в самом прямом смысле... оно – продукт большей и лучшей науки. Незнание правит в мировом обществе риска. Жить в среде созданного незнания означает искать неизвестные ответы на вопросы, которые никто не может ясно сформулировать. Чем больше угроза, чем больше разрыв в знании, тем больше необходимость и невозможность принятия решения» [26, с. 115, 117]. В этом контексте принятие политически важных решений, воистину, заставляет «семь раз отмерить», прежде чем «резать». 7. По-новому оценена функциональность виртуальной реальности, позволяющая не только стирать грань между прошлым, настоящим и будущим, но и привносить инсценированное будущее в настоящее. Фейковая информация, «спектакли» с реальными и фальсифицированными

взломами серверов ведут к дисперсии между событиями и «не-событиями» [23], реальными и мифическими угрозами. Воображаемые вызовы и инсценированные риски не безобидны: зачастую они побуждают политиков принимать неадекватные решения, негативно влияющие на характер будущего [6, с. 139–143]. Соответственно, в контексте «переоткрытия» знания о будущем необходимо рассматривать перспективы безопасности локальных человеческих цивилизаций, государств, сообществ, самой жизни на Земле.

Инструментарий долгосрочного прогнозирования

На взгляд авторов, анализ и долгосрочный прогноз развития международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО) в мире, в принципе возможен при соблюдении двух условий. Во-первых, необходимо использовать валидные инструменты исследования, включая лонгитудно-сценарный метод, а также междисциплинарные подходы, предполагающие интегральный инструментарий социально-политических, естественных и гуманитарных наук. Во-вторых, требуется адекватно выбирать собственно реалии изучения с учётом контекста их динамики (сжатия социального пространства, скорости и характера изменения). Очевидно, что существуют относительно стабильные и долгосрочные объективные факторы, влияющие на развитие МО-ВПО (международной и военно-политической обстановки) и отдельных государств. Их учёт позволяет прогнозировать развитие экономики нескольких стран на долгосрочную перспективу.

Существуют и субъективные факторы в виде качества политической элиты, её готовности к модернизации собственной страны и международных отношений, восприятия ею инсценированных вызовов и рисков. Подчёркнём, инсценирование не предполагает изначальную фальсификацию: это могут быть представления, ценностные и мировоззренческие установки отдельных социальных групп правящей элиты относительно объективных реалий (например, интересы государства), которые иногда могут «отрываться» от этих реалий, т.е. быть недостаточно адекватными. В этом заключается главная сложность политического анализа и долгосрочного прогноза: трудно с точностью определить, что лежало в основе того или иного решения, какой интерес (потребность) – личный, групповой, национальный или глобальный [16, с. 23–156].

По нашему мнению, для долгосрочного прогнозирования эффективен лонгитудно-сценарный метод, предполагающий создание модели вероятного сценария МО, ВПО или какого-то государства на основе большого эмпирического массива информации, который потом анализируется в динамике на нескольких этапах с учётом влияния основных групп факторов. Такая модель, например, была создана в результате многолетнего исследования сотрудниками Центра военно-политических проблем МГИМО МИД России в 2014–2017 гг. [13, с. 27–91]. В частности, развитие МО и ВПО в мире (применительно

к России до 2025 и до 2040 гг.) допускает возможность ряда сценариев, наиболее вероятными из которых представляются только три. Причём эти три сценария (и их конкретные варианты) распределяются по времени на среднесрочные (до 2025 г.) и долгосрочные (до 2050 г.). Изначально эти сценарии исходят из анализа существующего сценария развития России, предложенного правительством РФ, что, впрочем, не всегда делает их результаты валидными в силу субъективности оценок его работы разными фракциями Государственной думе. Дисперсия оценок также обусловлена степенью влияния известных и новых парадигм будущего: если сценарии и их варианты развития России до 2025 г. в основном инерционны, находятся под влиянием известных парадигм, то сценарии развития на период 2025–2050 гг. составляются под влиянием качественно новых парадигм. При этом для обоих этапов анализа и прогноза (до 2025 и 2050 гг.), а также всех исследуемых сценариев и их конкретных вариантов развития России, характерны некоторые общие тенденции, факторы и черты, относящиеся к собственно российской специфике.

Постоянные внешние факторы, определяющие суть сценария

Среди них – фактор территории и географического положения России. Территория страны, охватывающая значительную часть северо-востока Евразии, составляет 1/7 часть мировой суши. Её территория, с одной стороны, весьма обособлена, даже изолирована пространствами Арктики и малонаселённых районов Центральной Азии. Одновременно Россия граничит со всеми основными центрами силы и локальными человеческими цивилизациями (ЛЧЦ). Подобное географическое положение позволяет России сохранить в будущем свою самодостаточность, как оптимальную функциональность сложной социальной системы, проявляющуюся не только в способности контролировать внутренние процессы, но и свои взаимоотношения с другими системами [12, с. 792–793] – регионами и странами, используя при этом как преимущества глобализации и международной торговли, так и свои имманентные потенции для саморазвития. Россия – это «ядро» евразийской интеграции, без сотрудничества с которым трудно развивать отношения западных, южных и восточных регионов Евразии. Стратегическое положение делает страну ключом к формированию системы безопасности на всём континенте: ни Индия, ни Китай, ни Европа, ни страны Центральной Азии не могут существовать в безопасности без учёта интересов России, что делает её положение исключительно выгодным с точки зрения любых инициатив по созданию систем безопасности в Евразии.

Вместе с тем это положение России превращает её в приоритетный объект для внешнеполитического и военно-политического давления. Так, например, США и НАТО:

– не могут эффективно влиять на ситуацию в Центральной Азии и на политику целого ряда стран – от Ирана до Афганистана – без учёта позиции России;

– не могут оказывать беспрепятственное давления на КНР с севера, северо-запада и запада, что обеспечивает России сильные позиции в отношениях с КНР;

– лишены рычагов эффективного влияния на страны Ближнего и Среднего Востока, которые (как Сирия) могут получить поддержку России.

Таким образом, в перспективе на развитие России будут оказывать влияние факторы её самодостаточности в Евразии и мире. С точки зрения западной ЛЧЦ и США, это означает только одно: растущую актуальность вовлечения России в свою внешнюю политику, либо её подчинение своей воле.

К постоянным значимым факторам, определяющим облик будущего страны, следует отнести концентрацию значительных природных ресурсов. По мере роста численности населения в мире и расширения его потребностей совершенно по-новому встаёт вопрос о роли природных ресурсов в развитии социума, что получило отражение в обосновании Дж. Урри понятия «ресурсный поворот»: «Я ратую за “ресурсный поворот”, позволяющий анализировать общества посредством паттернов, шкал и характера их ресурсной зависимости, а также последствий использования ресурсов ..., увеличивающуюся значимость приобретает продовольственная и водная безопасность; ... человеческие и физические системы существуют в состоянии динамического напряжения и особенно уязвимы перед динамическими нестабильностями» (сокращение запасов полезных ископаемых, экстремальные природные катаклизмы, опустынивание, возникновение «высокомобильных заболеваний» и т.д.), что в итоге приводит к появлению «инвайронментальных беженцев» [31, с. 16, 44, 45].

Перед лицом этих мировых вызовов положение нашей страны можно оценить как весьма благополучное, поскольку само наличие огромных запасов природных ресурсов, от использования которых зависит благополучие целых регионов, усиливает значение России в мире. Вместе с тем эти же обстоятельства будут способствовать развитию внешних угроз, связанных с получением доступа к этим ресурсам. Западная ЛЧЦ может быть заинтересована в получении льготного доступа к «экологически дружественной почве», чистой воде, соответственно, международному «переделу» этих ресурсов и получению права их пользования.

Возрастает геополитическое значение транспортных коридоров России. Невыгодная в прошлом «вытянутость» России может превратиться в огромное преимущество в связи с перспективами развития товарообмена между КНР и странами Юго-Восточной Азии, с одной стороны, и европейскими странами – с другой. Часть новых «шёлковых путей» будет проходить через территорию России, обеспечивая нашей стране дивиденды не только от транзитной торговли, но и военно-политические: развитые коммуникации могут быть уникальными или одним из немногих путей оперативной доставки грузов военного назначения. Неизбежно это будет повышать значение России в мире, но, одновременно, и стремление других стран контролировать транспортные коридоры. История

человечества полна примерами тому: конфликты вокруг Суэцкого и Панамского каналов, черноморских проливов и иных стратегических объектов. Заметим, что расширения пропускной способности Суэцкого и Панамского каналов может оказаться недостаточно, а блокировка (пиратство, ставшее частью мирового терроризма) и другие препятствия могут ещё больше поднять значение российского транзита.

Низкая плотность населения, а также низкие темпы воспроизводства демографического и в целом человеческого капитала становятся долговременным фактором, оказывающим влияние на развитие страны. С одной стороны, даже самые решительные меры властей не способны быстро исправить демографическую ситуацию, особенно в восточных регионах России, а с другой стороны, исключительные меры по повышению качества национального человеческого капитала могут резко изменить ситуацию в пользу благоприятных перспектив развития России [18].

Эти и другие внешние факторы объективно влияют на государственную и военную мощь России, предоставляя ей «от Бога» статус великой державы. Ещё классик социологии Г. Зиммель, предложивший для интерпретации обществ методологию социальной геометрии, отмечал, что организации общественной жизни, сходные по политической форме, характеру осуществления управления и т.д., могут существенно различаться ввиду исключительности их пространства и границ. Эти идеи были задействованы и российско-американским социологом П.А. Сорокиным, который подчёркивал, что идентичность населения, «непрерывность социальных форм» детерминирована «постоянством территории, на которой живут члены данного социального коллектива». Однако данная непрерывность не абсолютна, она может нарушаться из-за внешних давлений: «Когда народ изгнан или покорён народом-победителем, мы говорим: государство изменилось, хотя территория осталась той же» [21, с. 363].

Переменные внешние факторы

Ключевое значение среди группы переменных факторов, формирующих политику государств, имеет система национальных ценностей и интересов, которая весьма важна для определения возможных сценариев будущего страны и её безопасности. Академик РАН М.К. Горшков при диагностике нынешнего этапа развития российского социума выделил как базисные, так и ситуативные, или переменные, факторы, определяющие, с одной стороны, уникальную устойчивость ментально-ценностных характеристик россиян, а с другой – вектор и параметры динамики социокультурного развития. Диагностика учитывала конкретные возможности задействования всех ресурсов общества, его экономического, духовного, нравственного, социокультурного и психологического потенциала в моделях ускоренного экономического развития страны до 2030 г. [2, с. 9], что позволяет не только оценивать нынешнее состояние России,

но и прогнозировать её будущее. В качестве примера устойчивости ценностей на базе новых парадигм можно привести практику И.В. Сталина конца 30-х и начала 40-х гг., когда в армию СССР постепенно вернули не только форму, звания и должности, но и ордена, традиции, структуру российских вооружённых сил, а в управление страной – министерства. То же самое фактически произошло в последние десятилетия и в России: возрождены гимн, должности губернаторов, сенаторов, премьеров и пр.

Среди многочисленных переменных, определяющих сценарий развития России, очень большое значение имеет такой субъективный фактор, как качество принимаемых правящей элитой решений. Опыт последних десятилетий СССР и России показывает, что именно субъективный выбор элитой сценария развития, в конечном счете, оказывался решающим фактором успеха, который можно измерить объективными показателями ВВП. Так, в 1928 г. восстановленная «только-только» на уровне 1913 г. экономика России по индустриальному потенциалу составляла 72% от экономики Великобритании 1900 г. (США – 533, Англии – 135, Германии – 158), а ВВП СССР составлял 5,3% мирового (США – 39,3%) [23], а через 10 лет её объём достиг уровня второй экономики мира. И наоборот. Реформы 1990–2017 гг., занявшие 27 лет (!), дали абсолютный прирост ВВП не более 30%. Причём именно в эти годы экономика других стран, прежде всего Китая, Индии, Бразилии, развивалась опережающими темпами. Если, например, в 1990–2013 гг. внешние условия были скорее благоприятны для России (некоторые эксперты и политики даже считали, что «уникально благоприятны»), а национальные ресурсы – достаточно стабильны, то эффективность принимаемых решений была очень низкой, что стало главной причиной катастрофического снижения доли продукции обрабатывающих отраслей экономики и качества национального человеческого капитала [14].

Развитие России, выбор ею сценария и его реализация зависят не столько от внешних условий, которые будут меняться относительно медленно, или объёма национальных ресурсов, сколько от эффективности решений, принимаемых правящей элитой. Иначе говоря, роль субъективного фактора в выборе сценария развития, в особенности его конкретного варианта, очень велика, что делает стратегический прогноз развития России до 2050 г. в значительной степени зависимым от социальных переменных величин: внутривнутриполитической стабильности, эффективности государственного управления, качества правящей элиты. Учёт этих факторов позволяет выделить три наиболее важных стратегических направления обеспечения безопасности России, которые пока игнорируются в прогнозах.

Три стратегических направления обеспечения безопасности России в XXI в.

В среднесрочной перспективе наиболее важным с точки зрения обеспечения безопасности России представляется европейское стратегическое направление,

на котором развивается конфликт на Украине, остаётся неразрешённой ситуация в Приднестровье, а также формируется блок антироссийских государств из числа бывших советских республик и стран Восточной Европы. Близость к центральным районам России, мощные ресурсы Украины придают этому направлению исключительно важное стратегическое значение в реализации стратегии военно-силового противоборства с Россией [15]. На этом направлении расположены также «новые» европейские государства, составляющие сегодня периферию «старой» Европы, которые могут быть использованы против России без риска для США и НАТО. Ресурсы этих государств, военные расходы, численность населения, ВВП и демографические показатели, вполне сопоставимы с российскими. Антироссийский фронт, созданный западной ЛЧЦ, – фактор универсальный и долгосрочный.

Другое важное стратегическое направление – среднеазиатское. Оно обладает огромным конфликтным потенциалом из-за внутривосточной нестабильности и – особенно важно – претензий западной и китайской ЛЧЦ на продвижение здесь своих интересов и ценностей. Это стратегическое направление, как представляется, недооценено с точки зрения его военно-политической угрозы.

Наконец, третье направление – вероятная угроза с востока (АТР и Дальний Восток России), где в XXI в. сконцентрируются основные противоречия между будущими мощными центрами силы. Здесь позиции России не могут быть быстро усилены. Противоречия между разными центрами силы могут вылиться в разного рода угрозы безопасности России и требуют не только их учёта, но и соответствующих корректив в планах развития страны. Новые центры силы – КНР, страны Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, Япония, США, Россия – видят в этом регионе целый спектр жизненно важных для себя интересов, столкновение которых представляется весьма вероятным.

Рост числа и интенсивности конфликтов и спецопераций

Количество и интенсивность войн и конфликтов в новом веке не сократится, а, вероятнее всего, увеличится, что надлежит учесть в стратегическом прогнозе и планировании России на период до 2050 г. Актуальность этой проблемы резко возрастает в связи с тем, что противники России активно используют самые различные способы и средства не только возбуждения существующих противоречий, но и создания качественно новых дестабилизирующих ситуаций. Из этого следует следующий вывод: для всех сценариев и вариантов развития России до 2025 г. будет характерен рост численности, масштабов и интенсивности военных конфликтов. Они потенциально концентрируются:

– в области национальных отношений, причём не только на окраинах страны, но и в центральных городах России. Это требует отнестись к межнациональному согласию как важнейшему ресурсу консолидации российского общества [10];

- в области религиозных отношений [4];
- в области социальных отношений [19].

Одним из важнейших долгосрочных дестабилизирующих факторов будет быстрый рост населения развивающихся стран, принадлежащих к «среднему классу», что, в свою очередь, потребует необходимых ресурсов, то есть вырастет спрос на продукты питания, воду, сырьё, увеличится давление человека на окружающую среду. Кроме того, по оценкам известного испанского социолога М. Кастельса, под влиянием неконтролируемой многомиллионной миграции в развитых странах мира сформировались два новых типа работников: занятые «самопрограммируемым трудом» и занятые «непатентованным трудом», те, кто «готовы принять любые условия, чтобы получить работу»; при этом «число нелегальных рабочих продолжает увеличиваться» [27]. Эти тенденции неизбежно изменят как социальную, так и этническую структуру российского общества и, как следствие, – состояние внутривнутриполитической стабильности в некоторых регионах России.

В целом проблемы, связанные с качеством человеческого капитала, станут ключевыми при любых сценариях развития России до 2025 г. Государственная и цивилизационная мощь определяются, прежде всего, качеством человеческого капитала нации, способностью её представителей к творческому мышлению, что определяется эффективностью институтов развития человеческого капитала. Особое внимание следует уделить латентным и отложенным рискам человеческого капитала как производным от научной и инновационной деятельности людей, проявляющимся в процессах медиализации, градостроительства, манипуляциях с модами и диетами [8, с. 207–212].

Неравномерность распределения человеческого капитала

Принципиально важно увеличить численность населения отдельных регионов России, что потребует специальных мер. Во многом именно эта геополитическая обстановка формирует и ВПО вокруг России.

На протяжении последних трёх столетий наша страна была главным динамическим ядром Евразии и гуманистическим центром притяжения своих соседей. Именно Россия одной из первых принесла плоды европейской культуры на Кавказ, в Центральную Азию и на Дальний Восток. Однако в XXI в. на евразийском пространстве Россия будет вынуждена конкурировать с Китаем, ЕС, США, Турцией и Ираном. Главным вызовом в этой борьбе для России станет её демографическая ситуация, которая в последние годы характеризуется низкой рождаемостью [18; 20]. Даже успехи в развитии экономики и технологий будут тщетными, если страна продолжит терять человеческий капитал в количественном и качественном отношениях. Именно поэтому система оценки эффективности деятельности глав российских регионов в качестве одного из главных включает демографический критерий.

Таким образом, анализ современных реалий позволяет в качестве основы будущих сценариев развития России сделать следующие предварительные выводы:

1. Как экономический центр силы Россия и возглавляемая ею ЛЧЦ слабы и даже теряют своё относительное значение. С разной степенью успеха Россия спорадически усиливает влияние в мире, но за счёт внеэкономических областей, что требует от неё дополнительных усилий и ведёт к торможению темпов социально-экономического развития. При этом относительные резервы наращивания военной мощи западной ЛЧЦ существуют, а у российской практически исчерпаны, если не переходить на уровень милитаризации. В настоящее время военные расходы в России составляют порядка 4% ВВП, а в странах Запада (исключая Саудовскую Аравию и Израиль) – от 1,2% в Германии до 3,5% в США. Это означает, что Запад относительно безболезненно может значительно увеличить свои военные расходы (до 2–2,5%, или на 250–350 млрд долл.), что для России нереально.

2. Уникальность российской ЛЧЦ, природные ресурсы, положение, территория, границы, превращают её в самодостаточное «ядро» всей Евразии и предоставляют ей серьёзные геополитические преимущества, включая возможность сохранения национальной идентичности и суверенитета даже в условиях относительного отставания в экономической области. Однако такое положение не может продолжаться бесконечно долго. У России есть существенные геополитические, природные и промышленные ресурсы для опережающего развития, о чём свидетельствует высокое место, которое она занимает в мире по отдельным показателям промышленного и сельскохозяйственного производства [17, с. 536]. В короткие сроки их нужно максимально эффективно задействовать в интересах безопасности страны.

3. Неравномерность развития мировых центров силы, ЛЧЦ и ведущих стран ставит под угрозу не только будущие позиции России в мире, но и саму возможность сохранения ею самодостаточности, государственного суверенитета и идентичности. До определённого времени отставание может не угрожать государственному суверенитету, но превращаясь в очевидный материализуемый вызов, оно представляет реальную угрозу политическому суверенитету, государственности, национальной идентичности и цивилизационным основам существования страны.

Любой прогноз не должен быть простой экстраполяцией существующих реалий и тенденций. Мир неизбежно сталкивается со сменой парадигм своего развития, а в переходные периоды (в котором мы со всей очевидностью находимся сегодня) эта смена происходит особенно быстро и радикально. Это означает, что в прогнозах на долгосрочную перспективу следует принять во внимание неизбежность нелинейных перемен. Вот почему состояние и перспективы развития России целесообразно рассматривать в рамках двух периодов – среднесрочного, до 2025 г., и долгосрочного, до 2050 г., имея в виду неизбежные качественные

изменения в системах знания, смену основных парадигм развития страны, которые должны произойти за это время не только в России, но и в мире.

Наконец, выбор сценария развития и его варианта зависит от ряда субъективных факторов. Для России это, прежде всего, качество и намерения правящей политической элиты, которая (как неоднократно показывала история) способна радикально в короткие сроки повлиять на вектор развития страны и общества. Вот почему в прогнозе всегда присутствуют несколько конкретных вариантов реализации того или иного сценария. Это не просто желательно, но и необходимо для того, чтобы сценарий в условиях выбора того или иного вектора модернизации страны оставался многовариантным, опирался на междисциплинарное знание [5]. При этом любой сценарий развития России в 2017–2050 гг. будет формироваться под сильным влиянием внешних факторов, которые в этот период могут оказаться не просто сильными, но и решающими.

Список литературы

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 тт. Т. 1. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. 416 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
4. Каргина И.Г. Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма. М.: МГИМО–Университет, 2014. 278 с.
5. Кравченко С.А. Мосты, соединяющие расколы социологии ради более равноправного мира // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 29–38.
6. Кравченко С.А. Будущее: по материалам Форума Международной социологической ассоциации // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 139–143.
7. Кравченко С.А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 12–23.
8. Кравченко С.А. Социология риска и безопасности. Учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 431 с.
9. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Социология. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 432 с.
10. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2016. 400 с.
11. Никонов В.А. Молотов: наше дело правое. М.: Молодая гвардия. Кн. 1, 2016. 248 с.
12. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
13. Подберезкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. М.: МГИМО-Университет, 2015. 325 с.
14. Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. Т.1–3. М.: МГИМО-Университет, 2011–2013. 362 с. 362 с. 101 с.
15. Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение в концепцию. М.: МГИМО-Университет, 2015. 169 с.
16. Подберезкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р. Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. М.: МГИМО-Университет, 2015. 464 с.
17. Российский статистический ежегодник 2016. Статистический сборник: Россия в цифрах: Росстат, 2016. 536 с.
18. Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего. М.: Эксмо, 2015. 384 с.
19. Россия на новом переломе: страхи и тревоги. М.: Альфа-М, 2009. 160 с.
20. Рыбаковский Л.Л. Результативность как основной показатель оценки состояния и тенденций рождаемости // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 23–30.
21. Сорокин П.А. Система социологии. Т.1. Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. М.: Наука, 1993. 447 с.
22. Элвелл У. Теологический энциклопедический словарь. М.: Ассоциация «Духовное возрож-

- дение», 2003. 1488 с.
23. Baudrillard J. The Gulf War Did Not Take Place. Bloomington: Indiana University Press, 1995. 87 p.
 24. Bauman Z. Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age. Cambridge: Polity Press, 2011. 244 p.
 25. Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016. 223 p.
 26. Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. 269 p.
 27. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. 2d ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 597 p.
 28. Perrow Ch. Normal Accidents: Living with High Risk Technologies. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1999. 464 p.
 29. Perrow Ch. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press, 2011. 388 p.
 30. Sassen S. Relocalizing the National and Horizontalizing the Global // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 10–14.07.2016, Vienna, Austria. 392 p.
 31. Urry J. Climate Change and Society. Cambridge: Polity Press, 2011. 217 p.
 32. Urry J. What is Future? Cambridge: Polity Press, 2016. 200 p.
 33. Yanitsky O.N. Terrorist Infrastructure and Urban Milieu // Science and Education: Materials of the X International Research and Practice Conference, 2015. Vol. 2. Valdkraiburg, Munich: Vela Ferlag. Pp. 277–282.

Об авторах:

Сергей Александрович Кравченко – д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: sociol7@yandex.ru.

Алексей Иванович Подберёзкин – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-18-10411.

“REDISCOVERY” OF KNOWLEDGE ABOUT THE FUTURE: PERSPECTIVES OF RUSSIA’S SECURITY UP TO 2050

S.A. Kravchenko, A.I. Podberezkin
DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-210-226

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article deals with the dynamics of knowledge about the future, factors that determine the need for its »rediscovery« today, among which: the transition of mankind to the dominance of non-linear development; the destruction by globalization of the natural boundaries of civilizational formations, which led to direct interaction of local human civilizations and new conflicts between them; the formation of a unified socio-techno-natural reality; the emergence of complex systems potentially predisposed to the production of catastrophes disasters. This forced scientists to form new models of the future and, accordingly, to develop other theoretical and methodological tools of social forecasting on the basis of which

scenarios of the medium-term (up to 2025) and long-term (up to 2050) visions of the international and military political situation are proposed.

The authors proceed from the assumption that the validity of these scenarios and the confidence in the knowledge of security should emerge from a comprehensive account of the main stable and variable factors that determine and form the scenarios of Russia's development in these periods. The most suitable method for long-term forecasting is the longitudinal-scenario method which is based on the creation of a model of a probable scenario of the international and military political situation. In order to accomplish this goal, the model needs a large empirical array of information that is analyzed in several stages by taking into account the influence of the main objective groups of factors that ultimately makes it possible to single out and justify three strategic directions of ensuring Russia's security in the twenty-first century. The article comes to conclusion that future scenarios of Russia's development depend on subjective factors such as the quality and intentions of the ruling political elite.

Key words: future, dynamics of knowledge, security, longitudinal-scenario method, strategic prognosis, factors of development, scenario of development, humanistic turn, ruling elite.

References

1. Veber M. Protestantskaia etika i dukh kapitalizma [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. In: *M. Veber. Izbrannye proizvedeniia* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p. (In Russian)
2. Gorshkov M.K. *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est': (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki)* [Russian society as it is (an attempt of sociological diagnosis)]. In 2 Vol. Vol. 1. 2nd ed. Moscow, Novyi khronograf, 2016. 416 p. (In Russian)
3. Diurkgeim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On separation of social labor]. Moscow, Kanon Publ., 1996. 432 p. (In Russian)
4. Kargina I.G. *Sotsiologicheskie refleksii sovremennogo religioznogo pliuralizma* [Sociological reflection of modern religious pluralism]. Moscow, MGIMO–Universitet Publ., 2014. 278 p. (In Russian)
5. Kravchenko S.A. Mosty, soediniavshchie raskoly sotsiologii radi bolee ravnopravnogo mira [Bridging the gaps in Social Science for more equal world]. *Sotsiologicheskie issledovaniia - Social studies*, 2015, no. 2, pp. 29–38. (In Russian)
6. Kravchenko S. A. Budushchee: po materialam Foruma Mezhdunarodnoi sotsiologicheskoi assotsiatsii [The future: based on International Social Science Association Forum]. *Sotsiologicheskie issledovaniia - Social studies*, 2016, no. 12, pp. 139–143. (In Russian)
7. Kravchenko S.A. Vostrebovannost' gumanisticheskogo povorota v sotsiologii [The demand for humanitarian turn in social science]. *Sotsiologicheskaia nauka i sotsial'naia praktika - Social science and social practice*, 2013, no. 1, pp. 12–23. (In Russian)
8. Kravchenko S.A. *Sotsiologiya riska i bezopasnosti* [Social science of science research and security]. Moscow, Iurait Publ., 2016. 431 p. (In Russian)
9. Marks K. *Ekonomiko-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic philosophical transcripts of 1844]. *Sotsiologiya. Sbornik* [Social science. Collected works]. Moscow, KANON–press-Ts, Kuchkovo pole Publ., 2000. 432 p. (In Russian)
10. *Mezhnatsional'noe soglasie kak resurs konsolidatsii rossiiskogo obshchestva* [Intra-national accord as resource of Russian society consolidation]. Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow, Institut sotsiologii RAN Publ., 2016. 400 p. (In Russian)
11. Nikonov V.A. *Molotov: nashe delo pravoe* [Molotov: our enterprise is righteous]. Book 1. Moscow, Molodaia gvardiia, 2016. 248 p. (In Russian)
12. Parsons T. *O sotsial'nykh sistemakh* [On social systems]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2002. 832 p. (In Russian)

13. Podberezkin A.I. *Veroiatnyi stsennarii razvitiia mezhdunarodnoi obstanovki posle 2021 goda* [Probable scenarios of international situation development after 2021]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2015. 325 p. (In Russian)
14. Podberezkin A.I. *Natsionalnyi chelovecheskii kapital* [National human capital]. Vol. 1–3. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2011–2013. 362 p. 362 p. 101 p. (In Russian)
15. Podberezkin A.I. *Tret'ia mirovaia voina protiv Rossii: vvedenie v kontseptsiiu* [The Third World War against Russia: introduction and approaches]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2015. 169 p. (In Russian)
16. Podberezkin A.I., Sokolenko V.G., Tsyrendorzhiev S.R. *Sovremennaia mezhdunarodnaia obstanovka: tsivilizatsii, ideologii, elity* [The current international situation: civilizations, ideologies, elites]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2015. 464 p. (In Russian)
17. *Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik 2016. Statisticheskii sbornik: Rossiia v tsifrakh* [Russian statistical yearbook 2016. Russia in numbers]. Moscow, Rosstat Publ., 2016. 536 p. (In Russian)
18. *Rossiia i mir v 2020 godu. Kontury trevozhnogo budushchego* [Russia and the world in 2020. The contours of worrying future]. Moscow, Eksmo Publ., 2015. 384 p. (In Russian)
19. *Rossiia na novom perelome: strakhi i trevozi* [Russia on new edge: fears and alarms]. Moscow, Alfa-M Publ., 2009. 160 p. (In Russian)
20. Rybakovskii L.L. *Rezultativnost' kak osnovnoi pokazatel' otsenki sostoiianiia i tendentsii rozhdaiemosti* [Outcome as the main parameter of birth trends evaluation]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* - Social studies, 2016, no. 4, pp. 23–30. (In Russian)
21. Sorokin P.A. *Sistema sotsiologii* [The System of Social science]. Vol. 1. *Sotsialnaia analitika: Uchenie o stroenii prosteishogo (rodovogo) sotsial'nogo iavleniia* [Social analytics: doctrine of the simplest social phenomenon]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 447 p. (In Russian)
22. Elvell U. *Teologicheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Theoretical encyclopedical dictionary]. Moscow, Assotsiatsiia Dukhovnoe vozrozhdenie Publ., 2003. 1488 p. (In Russian)
23. Baudrillard J. *The Gulf War Did Not Take Place*. Bloomington, Indiana University Press Publ., 1995. 87 p.
24. Bauman Z. *Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age*. Cambridge, Polity Press Publ., 2011. 244 p.
25. Beck U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge, Polity Press Publ., 2016. 223 p.
26. Beck U. *World at Risk*. Cambridge, Polity Press Publ., 2010. 269 p.
27. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1. The Rise of the Network Society*. 2d ed. Oxford, Wiley-Blackwell Publ., 2010. 597 p.
28. Perrow Ch. *Normal Accidents: Living with High Risk Technologies*. New Brunswick, New Jersey, Rutgers University Press Publ., 1999. 464 p.
29. Perrow Ch. *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press Publ., 2011. 388 p.
30. Sassen S. *Relocalizing the National and Horizontalizing the Global. 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World*. 10–14.07.2016, Vienna, Austria. 392 p.
31. Urry J. *Climate Change and Society*. Cambridge, Polity Press Publ., 2011. 217 p.
32. Urry J. *What is Future?* Cambridge, Polity Press Publ., 2016. 200 p.
33. Yanitsky O.N. *Terrorist Infrastructure and Urban Milieu. Science and Education: Materials of the X International Research and Practice Conference*. Vol. 2. Valdkraiburg, Munich, Vela Verlag, 2015. Pp. 277–282.

About the authors:

Sergey A. Kravchenko – Doctor of Philosophy, professor, head of sociological chair of the Russian Foreign Ministry MGIMO, 76. Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: sociol7@yandex.ru.

Alexei I. Podberezkin – Doctor of Historical Sciences, professor of world and national history, director of the Center for Military and Political Studies of the Russian Foreign Ministry MGIMO, 76. Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

This article was prepared with financial support from the RSF grant № 16-18-10411.